

Километрах в пяти от Чистого Дора, в борах, спряталась деревня Гридино. Она стоит на высоком берегу, как раз над озером, в котором водятся белые караси. В самом большом, в самом крепком доме под красною крышей живёт дядизуев кум.— Кум у меня золотой. И руки у него золотые и головушка. Его дядей Ваней зовут. Он пчёл держит. А карасей знаешь как ловит? Мордой!

Дядя Зуй сидел на корточках, привалясь спиною к печке, подшивал валенки и рассказывал о куме. Я устроился на лавке и тоже подшивал свои, готовился к зиме. Шило и дратва меня плохо слушались, а Зуюшко уже подшил свои да Нюркины и теперь подшивал мой левый валенок. А я всё возился с правым.

- Морду-то знаешь небось? продолжал дядя Зуй.
- Какую морду?
- Какой карасей ловят.
- A, знаю. Это вроде корзины с дыркой, куда караси залазят.
- Во-во! Поставит мой дорогой

кум дядя Ваня морду в озеро, а караси шнырь-шнырь и залезают в неё. Им интересно поглядеть, чего там внутри, в морде-то. А там нет ничего — только прутики сплетённые. Тут кум дёрг за верёвочку и вынимает морду. Кум у меня золотой. Видишь этот воск? Это кум подарил.

Воск был чёрный, замусоленный, изрезанный дратвой, но дядя Зуй глядел на него с восхищением и покачивал головой, удивляясь, какой у него кум — воск подарил!

- Пойдём проведаем кума, уговаривал меня дядя Зуй. Медку поедим, карасей нажарим.
- А что ж, сказал я, перекусив дратву, пойдём.

После обеда мы отправились в Гридино. Взяли солёных грибов, да черничного варенья Пантелевна дала банку — гостинцы. Удочки дядя Зуй брать не велел — кум карасей мордой наловит. Мордой

так мордой.

— К ночи вернётесь ли? — провожала нас Пантелевна. — Беречь ли самовар?

— Да что ты! — сердился дядя 3уй. — Разве ж нас кум отпустит! 3автра жди.

Вначале мы шли дорогой, потом свернули на тропку, петляющую среди ёлок. Дядя Зуй бежал то впереди меня, то сбоку, то совсем отставал.

— У него золотые руки! — кричал дядя Зуй мне в спину. — И золотая голова. Он нас карасями угостит.

Уже под самый вечер, под закат, мы вышли к Гридино.Высоко над озером стояла деревня. С каменистой гряды сбегали в низину, к озеру, яблоньки и огороды. Закат светил нам в спину — и стёкла в окнах кумова дома и старая берёза у крыльца были ослепительные и золотые... Кум окучивал картошку.

- Кум-батюшка! окликнул дядя Зуй из-за забора. Вот и гости к тебе.
- Ага, сказал кум, оглядываясь.
- Это вот мой друг сердечный, —

объяснил дядя Зуй, показывая на меня. — Золотой человек. У Пантелевны живёт, племянник...

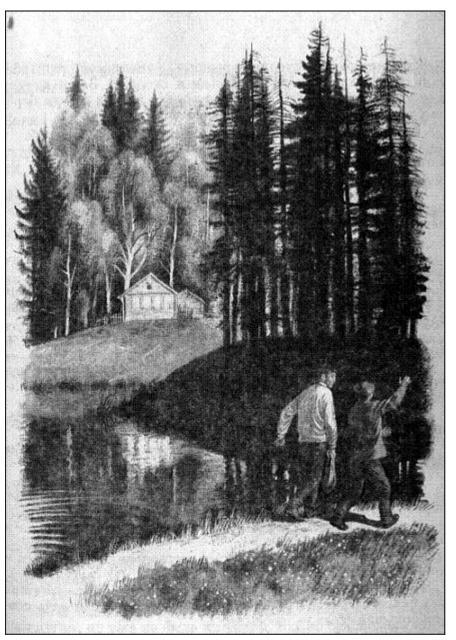
— A-a-a... — сказал кум, отставив тяпку.

Мы зашли в калитку, уселись на лавку у стола, врытого под берёзой. Закурили...

- А это мой кум, Иван Тимофеевич, горячился дядя Зуй, пока мы закуривали. Помнишь, я тебе много про него рассказывал. Золотая головушка!
- Помню-помню, ответил я. Ты ведь у нас, Зуюшко, тоже золотой человек.

Дядя Зуй сиял, глядел то на меня, то на кума, радуясь, что за одним столом собралось сразу три золотых человека.

- Вот мой кум, говорил он с гордостью. Дядя Ваня. Он карасей мордой ловит!
- Да, сказал кум задумчиво. Дядя Ваня любит карасей мордой ловить.
- Кто? не понял было я.
- Дак это кум мой дядя Ваня, Иван Тимофеевич! Это он карасей-то мордой ловит.
- A, понял я. Понятно. A что, есть караси-то в озере?
- Ну что ж, отвечал кум с расстановкой. Караси в озере-то, пожалуй что, и есть.
- А я хозяйство бросил! кричал дядя Зуй. Решил кума своего проведать. А дома Нюрку оставил, она ведь совсем большая стала шесть лет.
- Дядя Ваня любит Нюрку, сказал кум.
- И Нюрка, подхватил дядя Зуй, и Нюрка любит дядю Ваню.

— Ну что ж, — согласился кум, — и Нюрка любит дядю Ваню.

Разговор заглох. Закат спрятался в тёмный лесистый берег, но окна кумова дома ещё улавливали его отсветы и сияли, как праздничные зеркала.

- А у нас ведь и подарки тебе есть, сказал дядя Зуй, ласково глядя на кума и выставляя на стол подарки.
- И вареньица принесли? удивился кум, разглядывая подарки.
- И вареньица, подхватил дядя Зуй. Черничного.
- Дядя Ваня любит вареньице, сказал кум. Черничное.

По берегу озера из лесу вышло стадо. Увидав дом, коровы замычали, забренчали боталами — жестяными банками-колокольцами. С луговины поднялась пара козодоев и принялась летать над стадом, подныривать коровам под брюхо, хватая на лету мух и паутов. Из кумова дома вышла женщина в вязаной кофте и закричала однообразно:

- Ночк, Ночк, Ночк, Ночк, Ночк...
- А что, кум, спрашивал дядя Зуй, подмигивая мне, где же у тебя морда-то? Не в озере ли стоит?
- Зачем в озере, ответил кум.
- Дядя Ваня починяет морду. Вон она стоит, морда-то, у сарая.

У сарая стояла морда, похожая на огромную бутыль, сплетённую из ивовых прутьев.

- Починяется морда, с уважением пояснил мне дядя Зуй. А другая не в озере ли, кум, стоит?
- А другая, наверно что, в озере,
- ответил кум, сомневаясь
- Так не проверить ли? намекнул дядя Зуй. Насчёт карасей.
- Зачем же? сказал кум. Чего её зря проверять?

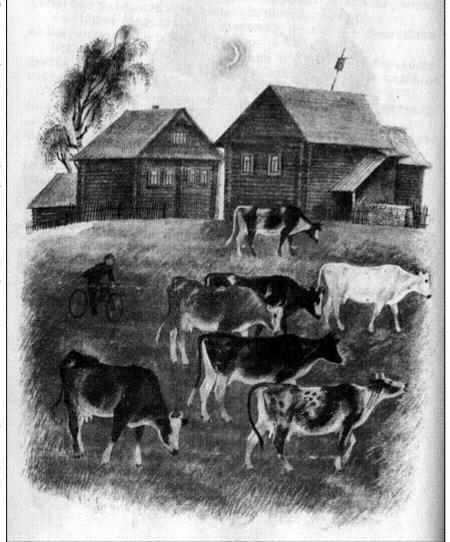
Закат окончательно утонул в лесах. Козодои всё летали над лугом, но уже не было их видно, только слышалась однообразная глухая трель.

- Ну, кум, сказал дядя Зуй, попробуй, что ли, волвяночек.
- Ну что ж, вздохнул кум, это, пожалуй что, и можно.

Он встал и задумчиво отправился в дом.

- Видал? обрадовался дядя Зуй и снова подмигнул мне: Начинается. Сейчас медку поедим. Кум долго-долго возился в доме, выглядывал для чего-то из окна, а потом вынес тарелку и вилку.
- А вот хлеба-то у нас нет, смутился дядя Зуй, вытряхивая грибы в тарелку. У нас, извиняюсь, магазин был, кум, закрыт...
- Да ладно, вставил я. Волвяночки и так хороши.

Мы попробовали грибков, похвалили их, покурили. Дядя Зуй задумался, глядел на потемневшее

озеро, в котором отражались светлые ещё облака.

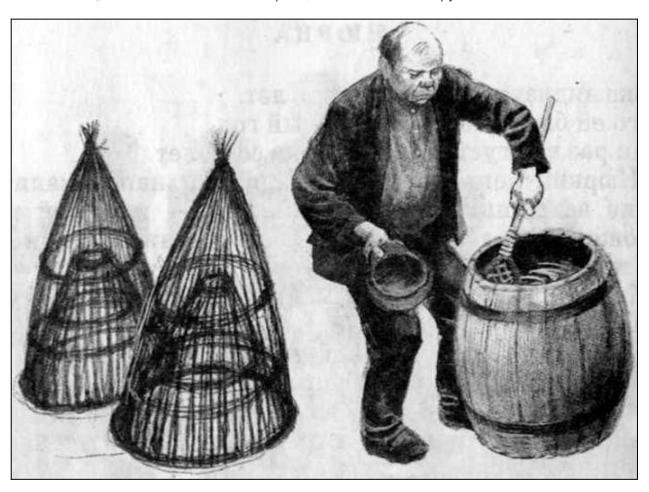
- Не пора ли нам? спросил я.
- Кум, сказал дядя Зуй, а ведь нам пора.
- Ну что ж, сказал кум. Спасибо, что погостили.
- Это, сказал дядя Зуй, глядя на озеро, вот друг-то мой интересуется карасей поглядеть. Белых. Золотых, говорит, видел, а белых чтой-то не попадалось.
- Ну что ж, сказал кум. Это верно, что карасей надо бы поглядеть. Давай кепку-то.

Он взял со стола Зуюшкину кепку и пошёл к бочке, что стояла у сарая. Зачерпнув сачком, кум выловил из бочки с десяток полусонных карасей, вывалил их в кепку.

— На вот, — сказал он. — Тут и другу твоему поглядеть хватит и Нюрке отнести, гостинца...

По каменистой тропинке, еле заметной в сумерках, мы спустились вниз, к лесу. Высоко над нами стояла теперь деревня Гридино. В окнах домов мерцали уже слабые огоньки, а высоко поднятый над кумовым домом скворечник ещё был освещён далёким закатом.

А в лесу была уже совсем ночь. Луна то появлялась над лесом, то запрятывалась в еловые ветки. Дядя Зуй всё время отставал от меня, спотыкался, и караси вываливались тогда из кепки в траву. Они были ещё живые и шевелились в траве, выскальзывали из рук.

— Видал теперь белых-то карасей? — говорил дядя Зуй, снова укладывая их в кепку. — Это тебе не золотые. Золотых-то всюду полно, а белых поискать надо. Вот ведь какие караси! Белые! Прям как платочек. Долго мы шли лесом и старались не сбиваться с тропинки. Дядя Зуй запинался за корни, заботясь о карасях. Уже перед самой деревней он опять просыпал их. Собрал, бережно уложил в кепку и вдруг рассердился:

— А ну их к чёрту!

Размахнувшись, он выбросил карасей вместе с кепкой.

Издалека, с края леса, мы увидели огоньки Чистого Дора, и, пока шли полем, я всё старался разглядеть — спит Пантелевна или не спит. Горит ли огонь?

- А ведь Пантелевна, наверно, не спит, сказал я. Поджидает.
- Пантелевна-то? подхватил дядя Зуй. Конечно, не спит. Она ведь у нас золотая душа. Как раз к самовару поспеем.